

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

П. Ф. Алешкин

Типологическая общность
крестьянского протестного
движения в России в 1918-1922 гг.

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aleshkin.pdf>

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

П. Ф. Алешкин

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ в 1918—1922 гг.

В крестьянском протестном движении в России в 1918—1922 гг. просматриваются закономерности и тенденции, составляющие типологическую общность данного социального явления. На примере характеристики восстания в Тамбовской губернии в 1921 г. в период апогея политики военного коммунизма, известного под названием *антоновщина*, а также Западно-Сибирского восстания — крупнейшего в советской истории по охвату территории и количеству участников, можно выявить тождественность по содержанию в протестном крестьянском движении. Типологическая характеристика крестьянского движения отражает тождественные черты. Общность проявилась в причинах восстаний, движущих силах и составе участников повстанческого движения, идейной основе крестьянского протеста, лозунгах, военной организации повстанцев и партизанской тактике ведения борьбы, а также в методах и действиях Советского государства по подавлению восстаний.

Объяснение подобной картины заключается, *во-первых*, в природе самого крестьянского сообщества, *во-вторых*, в проведении единой государственной политики на территории всей страны — политики военного коммунизма, основанной на марксистском видении строительства нового общественного устройства. Общность условий создавала характерную тождественность протеста со стороны одного и того же субъекта в лице крестьянского населения. Социальная среда и сходные экономические условия в разных местах порождали одинаковые приемы борьбы с властью.

Вооруженное сопротивление крестьянства против насильственной политики военного коммунизма создало преграду расширению государственного принуждения в русле коммунистической доктрины о едином общегосударственном производстве и распределении в системе бестоварного народного хозяйства, о ликвидации классов и сословий — уничтожении земледельца как собственника. Полоса крестьянских восстаний выявила глубокий кризис политики военного коммунизма, заставила руководство Советского государства искать пути выхода из глубокого кризиса.

Стихийное, но массовое движение протеста со стороны крестьянства дополнялось принципом преимущественно добровольного характера участия всех крестьянских слоев. В этой связи представляется неправомерным сведение крестьянского протестного движения к общему знаменателю «третьей силы». Локальные и разрозненные формы сопротивления олицетворяли крестьянский протест. Повсеместное недовольство крестьянских масс стало ответной реакцией на политику военного коммунизма со стороны Советского государства, основанную на хлебной монополии, переросшей в чрезвычайную продовольственную диктатуру, продовольственной разверстке, милитарном характере организации труда, который проявился в тяжелых для сельского населения трудовых повинностях. Первоначальные обещания Советского государства (Декрет о земле, Декрет о мире), породившие надежды и ожидания в крестьянской среде, сменились глубоким разочарованием и отчуждением от большевистской власти.

Ожидавшаяся трудовым крестьянством социализация земли трансформировалась в рамках государственной политики в национализацию. Но этим дело не ограничилось. Продукт крестьянского труда (хлеб в первую очередь) подвергался отчуждению от производителя в виде пресловутой «выкачки». Одновременно ожидания, порожденные Декретом о мире, воплотились на практике в

разочарование, связанное с переходом к всеобщей мобилизации в виде принудительного набора в Красную армию.

Политика военного коммунизма породила не только системный экономический кризис, но и острый политический кризис, создавая оппозицию правящей власти: основная часть населения страны выражала как пассивное, так и активное противодействие политике Советского государства, вылившееся в массовые и длительные по времени крестьянские вооруженные восстания по всей территории Советской Республики.

В числе главных причин, вызвавших протестное выступление крестьянства в России, являлось недовольство крестьян политикой военного коммунизма (продразверстками, мобилизациями, трудовыми повинностями), которая не учитывала реальные интересы и возможности крестьянства, а также возмущение методами осуществления этой политики. Документы советского правительства имели жесткие формулировки: виновные в уклонении от уплаты продразверстки, а также представители власти, не обеспечившие выполнение заданий, подлежали заключению в концентрационные лагеря как изменники делу революции с конфискацией их имущества. Для выполнения заданий в деревню направлялись продотряды, а также вооруженная сила.

Никакого детального учета хлеба в деревне, который считался «излишками», не проводилось. В распоряжении Наркомата продовольствия не было статистических данных о посевных площадях и урожайности, поскольку в годы революции и Гражданской войны статистикой не занимались. Планы продразверсток исчислялись на основе сохранившихся дореволюционных данных, которые обескровленная войнами и революцией российская деревня в неурожайные 1920—1921 гг. была не в состоянии выполнить.

Действия местных органов Советской власти регламентировались сверху: после определения разверстки

по каждому селению в отдельности производилась государственная и внутренняя разверстка на отдельные хозяйства по подворным спискам: составлялись подробные именные списки (с указанием сельского общества, имени, фамилии, количество подлежащего сдаче хлеба), оформлялись расписки с определением срока сдачи. Именной список представлялся на ближайший ссыпной пункт, копия направлялась в волисполком. За выполнение всех перечисленных мероприятий отвели персонально члены волостных и сельских исполкомов.

Политика военного коммунизма легла своей тяжестью в первую очередь на основной слой сельского населения — среднее крестьянство, подрывая стимулы аграрного хозяйствования. Заставить производителя отдавать хлеб и не снижать при этом сельскохозяйственное производство можно было только усилением мер принуждения и насилия. Средняк являлся наиболее исправным плательщиком разверсток, у многих сыновья ушли в Красную армию добровольцами. Он нес на себе основной груз разверсток. Помимо многих видов разверсток, на среднем крестьянстве держались тяготы трудовых повинностей. Для выполнения трудовых повинностей, особенно гужевой, лесозаготовительной требовались крестьянские лошади, подводы, а также собственный фураж. По норме хлебофуражной продрозверстки у крестьян оставался запас фуража лишь на содержание лошадей и для засева, на проведение лесозаготовок продовольственными органами фуража на рабочих лошадях не оставлялось. В производящих уездах получался замкнутый круг: устанавливались тяжелые и обременительные трудовые повинности, но фураж для их выполнения не выдавался.

Недовольство властью выражала также значительная часть крестьянской бедноты. Нередко именно бедняки, не отягощенные личной собственностью, становились активными повстанцами. Подобное явление вполне объяснимо. Неимущее сельское население, не имеющее собственных запасов хлеба, должно было обеспечиваться за

счет внутренней разверстки — излишков, оставшихся у более зажиточных крестьян сверх норматива по государственной разверстке и собственного потребления. Конечно, ни один крепкий хозяин не горел желанием добровольно расстаться с «излишками» как по государственной разверстке, так и по фактически повторной разверстке — внутренней. Весь хлеб, поступающий от внутренней разверстки по волостям, подлежал сначала сосредоточению в волостном центре, только затем под контролем волисполкома мог выдаваться неимущему населению, причем только в определенный срок. В крестьянской среде крестьянский «паек» получил наименование «голодная норма»: его хватало только на полуголодное пропитание. Крестьянская беднота, чтобы получить хлеб, должна была добираться в волостной центр, выстаивать очередь в продовольственной конторе, доставлять полученный хлеб домой — на все это растрчивалось много времени и сил, столь необходимых в полевой сезон.

Продовольственные органы придумали административные инструменты для выполнения разверстки. Один из них назывался «товарная блокада». Один и тот же орган, ответственный за подразверстку — губпродком — сосредоточил в своих руках распределение необходимых для крестьянства товаров первой необходимости — соли, спичек, керосина, мыла, гвоздей, обуви и т. п. Суть товарной блокады сводилась к следующему: сельские общества или волости, выполнившие все разверстки к установленному сроку полностью, могли получить товарный паек в повышенном размере; выполнившие различные виды разверстки в частичном размере (например, 25—50% хлебной, или мясной, овощной, по птице, сырьевой, сенной), получали товарный паек в ограниченном размере. Если процент выполненной разверстки в сельских обществах или волостях оказывался меньше установленных свыше, товары не выдавались. Повышенная норма (довольно скудная сама по себе)

являлась свидетельством того, что власти заранее предвидели невозможность 100-процентного выполнения всех заданий — это было невозможно. Так, в российских губерниях, кроме разверстки на хлеб, зернофураж и масличные семена, были введены разверстки на картофель, мед, птицу, крупный и мелкий рогатый скот, свиней, кожу и шерсть, льноволокно, пеньку и другие продукты сельскохозяйственного производства. Разверстывались задания на табак, щетину, рога, копыта, хвосты, гривы. Всего к началу 1921 г., например, в Тюменской области существовало 34 вида разверсток, ложившихся непосильным грузом на крестьянство. Каждую разверстку сопровождала одинаковая по установкам инструкция: разверстка — боевой приказ. В результате для выполнения шерстяной разверстки крестьяне обстригали шерсть на своих шубах. Другого выхода не было: за невыполнение разверстки шубы, шапки, валенки отбирались.

Любой советский или партийный работник мог быть обвинен в пресловутом «противодействии разверстке» и жестоко наказан. На практике это было нередким явлением. Неудивительно поэтому, что в рядах повстанцев и их руководителей часто встречались бывшие работники местных советских и военных органов. Местные органы были поставлены в условия, когда невыполнение заданий вышестоящего руководства, вне зависимости от объективных условий и возможности их выполнения, объявлялось преступным. Если государственная власть таким образом относилась к работникам собственного аппарата управления, кем был в ее глазах рядовой гражданин — крестьянин?

Никакие оправдания о невыполнении разверсток не принимались, тем более, категорически запрещалась посылка ходочков, делегаций с ходатайством о продлении срока или уменьшении разверсток. Последним грозил арест и направление на принудительные работы. С целью обеспечения выполнения хлебных разверсток в указанный срок все мельницы (паровые, водяные, ветряные)

закрывались, за исключением мельниц, размалывающих государственное зерно, размол зерна для личного потребления запрещался.

На местах командовали и отдавали приказы и чрезвычайные тройки, и заведующие продконтролями, и продкомы, и продкомиссары, и чрезвычайные уполномоченные. Участие в продовольственной кампании принимали войска ВНУС, которые производили конфискации за невыполнение разверсток. Обыденными явлениями в деятельности органов власти стали взятие заложников до выполнения разверстки, конфискация имущества без соблюдения каких—либо правил, даже у семей красноармейцев. Арестованные заложники освобождались только после выполнения разверстки всем сельским обществом — существовала своеобразная круговая порука.

Как правило, многочисленные народные восстания не выдвигали политические требования. Крестьяне были привержены борьбе за родное селение, волость, уезд, когда затрагивались их непосредственные интересы. Не было единства взглядов и политических устремлений. Повстанцев объединяло лишь общее протестное неприятие государственного режима. Однако известны отдельные программные документы: Программа антоновского Союза трудового крестьянства в Тамбовской губернии, резолюция гарнизонного собрания мятежного Кронштадта 1 марта 1921 г., Декларация реввоенсовета и командующего армии «Воли Народа» (Декларация Серова — Далматова), политическая программа Ф. К. Миронова.

Большевистская трактовка крестьянских восстаний как «кулацких», «эсеровских», «белогвардейских» была обусловлена идеологическими соображениями, а также стремлением партийных, советских, военных руководителей, органов ВЧК—ГПУ—ОГПУ переложить вину за собственные просчеты. Беспочвенны утверждения о решающей роли в подготовке восстания контрреволюционных заговоров, о серьезном влиянии

местных крестьянских союзов как организаторов контрреволюционной работы, опиравшихся на кулачество в деревне. Уцелевшие остатки представителей небольшевистских партий (эсеры, меньшевики) находились на учете чекистов.

Крестьянское понимание справедливого общественного устройства, выразившееся в протестном движении, сводилось к лозунгу «Советы без коммунистов». Крестьянский протест выражался не против Советов, а против политики военного коммунизма, которая в крестьянском сознании отождествилась с разрухой, бесправием, насилием, голодом и другими бедствиями. Отношение к Советской власти характеризовалось восприятием ее как «истинной», народной власти, близкой интересам трудового народа. На повстанческих территориях указанный лозунг воплощался на практике путем создания волостных и сельских крестьянских Советов. В крестьянской среде постепенно сложилось мнение, что органы народной власти, завоеванной в результате революции и Гражданской войны, переродились в бюрократические инструменты государственного насилия, руководимые лжекоммунистами и бывшими угнетателями. Для организации новой власти крестьянство желало выбрать представителей от населения.

Типологию крестьянского протестного движения дополняли созданные повстанцами вооруженные формирования по принципу организации регулярной армии (аналогично Красной армии), включая политические отделы и политкомы. Полки делились на батальоны, роты, взводы, отделения. Повстанческие отряды создавались и пополнялись посредством мобилизации населения. В подразделениях имелись обозы. Волостные военные штабы выполняли хозяйственные, организационные, информационные задачи. В тыловых селениях назначались коменданты. В воинских формированиях и в тылу повстанцев старались поддерживать дисциплину: осуществлялась борьба с самогонщиками и чрезмерным

потреблением самогона — виновные наказывались и предавались суду.

Военное руководство в основном осуществлялось командным составом из крестьянской среды, подготовленным и закаленным в сражениях двух войн — Первой мировой и Гражданской. Комсостав состоял из бывших унтер—офицеров, прапорщиков. Было немало случаев, когда руководителями повстанцев становились бывшие командиры Красной армии (командиры дивизий, полков), в том числе награжденные в боях с белыми орденами Красного Знамени. Крестьянским командирам противостояли гораздо более квалифицированные и опытные командиры Красной армии, дослужившиеся в старой армии до высоких офицерских чинов. Указанные обстоятельства подчеркивают абсурдность заявлений об офицерском заговоре как причине крестьянских восстаний.

Противоборство отличалось ожесточением (и жестокостью) со стороны обеих сторон, значительными потерями, включая мирное население. Крестьянин, по складу своего природного ума привыкший к прагматичному подходу к любому делу, решаясь на отчаянный шаг — восстать против государственной власти — отдавал себе отчет, что обратной дороги может не быть, прекрасно осознавал последствия восстания в случае его ликвидации не только в отношении себя самого, но особенно в отношении семьи, родных, родного селения. Данный фактор заставлял повстанцев отчаянно сопротивляться. Количество потерь среди повстанцев превышало на порядок потери карательных войск. Основную часть потерь повстанцев составили потери среди местного населения. Причины заключались в политике государственной власти не столько по отношению к повстанцам, сколько к мирному населению. Приказы советского командования содержали требования расстреливать на месте без суда всех, захваченных с оружием в руках, брать и расстреливать заложников за разрушение дорог и связи, за оказание помощи повстанцам, сжигать и уничтожать артиллерийским огнем целые

деревни, поддерживавшие мятежников или оказывавшие упорное сопротивление. Широкое распространение получили расстрелы без суда мирных жителей.

Гибельная перспектива повстанческого движения была предрешена и закономерна. Участники протестного движения даже в соседних регионах различались особенностями поведения, масштабом деятельности, численностью и составом. Повстанчество по своей значимости в жизни крестьянства и его отношениях с властью уступало поведению «молчаливого большинства»: консерватизм как характерный архетип крестьянского сознания основывалась на нежелании и боязни радикальных перемен. Легитимность центральной власти в крестьянском мироощущении подкреплялась идеей о сакральности власти. Многие отказывались в открытую восстать против власти государства из-за боязни мести за участие в восстании: население на собственном опыте уже познало карательную мощь государственной военной и административной системы. Решившийся на восстание осознавал, какие последствия ожидают его самого и его семью. Все имущество участников восстания подлежало конфискации. Разобщенность протестных проявлений усиливалась различной окраской (продовольственной, религиозной, национальной).

На подавление крупных восстаний штабом РККА направлялись регулярные воинские части: стрелковые, кавалерийские, броневые. Карательные меры включали как военные операции против отрядов повстанцев, так и решительные и жестокие меры в отношении населения на территориях, которые были охвачены восстанием. Районы боевых действий с повстанцами разделялись на боевые участки, каждому из которых ставилась специальная задача. Однако знание родной местности позволяло небольшим повстанческим отрядам оставаться неуловимыми. Повстанцы использовали эффективную партизанскую тактику: при приближении регулярных войск отряды рассыпались на мелкие группы, расплылись, их участники

скрывались в лесах, в деревнях под видом сельских жителей, при необходимости снова объединялись для проведения стремительных налетов. Партизанская тактика показала неэффективность оперативных действий регулярных войск.

Сочувственное отношение к повстанцам и поддержка со стороны местного населения позволяли получить укрытие, своевременную информацию о приближении регулярных войск. Население снабжало повстанцев продовольствием, лошадьми и хозяйственными средствами. Крестьяне считали повстанческих вождей защитниками от налогов. Захваченный ими хлеб из разграбленных ссыпных пунктов нередко делился среди крестьян. Жители сел и деревень отказывались помогать войсковым частям и власти в борьбе с повстанцами. Таким образом, термин «бандитизм» не определял реальную природу повстанческого движения. Многие отряды отличались дисциплиной и организованностью, строгим подчинением вожакам.

После введения нэпа советское руководство осознало недостаточность военного характера борьбы против партизанской тактики повстанцев, поддерживаемых местным населением. Для эффективной борьбы с повстанческим движением требовалось включить в действие экономические и политические средства. Методы подавления и ликвидации крестьянских выступлений и восстаний со стороны органов Советского государства продемонстрировали, помимо репрессивных мер, комплекс оперативно-военных, экономических, политических мероприятий.

Особое значение имели экономические мероприятия. С переходом к нэпу крестьяне получили возможность обмена, покупки, продажи и перевозки хлебозернофуража и картофеля, разрешалось свободное передвижение с товарами и продуктами. Продовольственные заградительные отряды были сняты с железнодорожных, водных путей и гужевых дорог. В число политических мер входило следующее: крестьяне, арестованные за продовольственные прегрешения

перед властью (невыполнение разверстки, сокрытие хлеба, невыполнение трудовых повинностей), освобождались. Объявлялись акции добровольной явки и сдачи оружия, включая командиров повстанцев. Органы Советского государства учли немаловажное обстоятельство, что организованность и дисциплина в отрядах повстанцев во многом держалась на авторитете народных командиров. Решение о прекращении сопротивления, принятое командиром, означало ликвидацию целого отряда. Указанные экономические и политические мероприятия являлись вынужденной уступкой государства в отношении крестьян, порожденной переходом к нэпу.

Уход крестьян к повстанцам сокращал трудовые ресурсы в деревне. Между тем задания по продовольственным поставкам в центр никто не сокращал. Сверху по-прежнему приходили жесткие указания с требованием выполнения заданий в установленный срок. Для решения этих задач требовались рабочие крестьянские руки. Военная цель — подавление восстания и уничтожение повстанцев — противоречила экономическим соображениям. В опустевших крестьянских волостях (одни были убиты, другие репрессированы, третьи ушли к повстанцам) экономическая политика военного коммунизма зашла в тупик: не у кого было забирать «излишки» — не стало ни излишков, ни их производителей. Некому было выполнять трудовые повинности: подвозить хлеб, заниматься заготовкой топлива. У крестьян не осталось ни лошадей, ни фуража. Уменьшенный по сравнению с продразверсткой, план продналога в 1921 г. оказался непосильным для крестьянства вследствие издержек политики военного коммунизма (сокращения посевов и числа работников, опустошительных восстаний, разрухи), неурожаев и засухи.

Мобильности действующих повстанческих отрядов и групп противопоставлялись специально созданные летучие кавалерийские отряды. Создавалась сеть постоянной агентурной разведки, а также войсковая разведка, чтобы

предупредить и своевременно устранить возможность возникновения в районах сопротивления власти. Амнистированные повстанцы привлекались к операциям по ликвидации и поимке главарей. Имели место случаи, когда бывшие повстанцы, получив амнистию, выдавали своих бывших вожakov.

Переход к нэпу не мог осуществиться сразу: последствия политики военного коммунизма проявлялись еще долгие месяцы, порождая воспроизводство новых протестных явлений. Лишь в 1922 г. крестьянство почувствовало реальные преимущества новой экономической политики. В конце 1922 г. крестьянская война в России закончилась.